РИБАМБЕЛЬ.

СУХУМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ПОЧТИ ЛИРИКА.

Лючия

РИБАМБЕЛЬ.

СУХУМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ПОЧТИ ЛИРИКА

СУХУМ,
1929

Типо-лит. ВСНХ Абхазии им. Ленина Зак. 3358—1000 Абгл. № 270.

Зима.

В Сухумском кафе.

О, Сухум! О, кавказская Ницца!
В. Шершеневич.

Среди больших и малых луж
Столов сверкает мрамор гладкий.
Кричит кофейщик—«мек ануш!»
Что в переводе значит—«сладкий».
Мелькает в воздухе поднос,
Звенит дымящаяся чашка.
Измазал в гуще острый нос
Какой-то грек, вздыхая тяжко.
На полке дремлет шоколад
Так соблазнительно и мирно.
Над ним цена «Рубль шестьдесят»...
— Нет, рубль шесть гривен это--жирно!..
Войдя в неистовый азарт,
Стуча в волненьи кулаками,
Два человека подле нард
Шипят все время индюками.
Чтоб уплатить,—гляжу в карман,

А там—унылые просторы.
Ложится на поля туман
И, разумеется, на горы...
Однообразен моря шум,
Однообразны дни и лица...
О, ослепительный Сухум,
Скажи, ты Ницца иль не Ницца?

На бульваре.

Говорили, что холод нас будет терзать,
Предсказали заносы, мятели,
А посмотришь кругом--хорошо благодать!
Не декабрь, а как будто в апреле!..

Там, в России, зима и мороз в декабре,
Снег, наверно, все сыпет да сыпет...
Двух минут без пальто не прождать во дворе,
А у нас—натуральный Египет.

Лезет нагло в глаза исполинский плакат,
«Боевик» об'являет киношка.
О любви говорит молодой психопат,
Придвигаясь к соседке немножко.

Но, поправив чалмой заплетенную шаль,
Отвечает она благосклонно:

— Здесь декабрь—ничего, но ужасный
февраль...
— Вы видали «Жену фараона»?

От вопроса такого насупился он
И бормочет с досадой невнятно:
— Ни к чему!.. Каждый сам для себя
фараон

И при том совершенно бесплатно!
Разве вам неприятно со мною сидеть?...
Здесь теплынь благодать и цветочки...
А жену фараона—не стоит смотреть,
— Подождем фараоновой дочки!

Весна.

Точный вес.

(Курортная история).

На фоне красочном цветов
У перса вид какой-то птицы,
Стоят недвижно у весов
Три разноцветные девицы.

Блистает солнечный Сухум
Пока лишь зеленью скамеек. . .
— «Ты хочешь взвеситься, ханум?»
— «А сколько стоит?» — «Пять копеек.!..»

Весну пророчит синь небес
И греет бешеное солнце.
— «Ну, что-ж?—Узнаем мы свой вес?».
— «Да у меня то три червонца!..».
Краснеет перс,—лицо как мак:
Теперь народ так скупо тратит!
— «Постой! У Клавушки пятак!
— «Но пятачка на всех не хватит!».

Лиловым сказочным ковром
Покрылись горы—как в театре!
— «Давайте взвесимся втроем,
А общий вес—разделим на три!?

Ревниво взглядами скользя,
Хозяин—накануне шторма:
«Всем за пятак зараз нельзя!
Куда?!!—Не выдержит платформа!!!
И взгляд хозяйский—злей осы,
Исчезла важность дипломата. . .
Но—поздно. . . Крякнули весы
И стала стрелка циферблата. . .

Мораль? Сейчас мы разберем,
Чтоб вывод сделать осторожно:
Что поломать легко втроем,
То в одиночку—невозможно!

Предвесеннее.

Уж март. Но дождь стучит в окошко
И не вопит весенне кот.
Ведь ни одна шальная кошка
По мокрой крыше не пройдет...
Давно уж, целые недели,
Стоят сырые холода

И непрестанно по панели
Течет вода, вода, вода...
По вечерам призывно властно
Манят огни... А дождь—в окно!
И «Семь повешенных» напрасно
Сулит промокшее кино...
Кому охота пачкать ноги
И мокнуть под дождем прямым?
К «Семи повешенным» в итоге
Еще прицепишься... восьмым!
Народу всюду мало-мало,
Кофейня только лишь полна
Весна, как будто, запоздала...

А в самом деле—где ж она?

Циклонное.

Погнулась вкривь земная ось
От силы титанической,
Лечится едут на авось:
— Где ж климат субтропический?
На всех курортах—холода,
В страх-кассах—изумление:
Не знают, бедные, куда
Послать на излечение!

Природа сердится на нас,
Послав сплошные тернии. . .
Ну, что ж! Устроим мы Кавказ
В. . . Олонецкой губернии!
Сюда ж приедет эскимос
С рогатыми оленями,
Стуча в неслыханный мороз
Замерзшими коленями. . .
Замерзнет буйный виноград
С цветущими долинами;
И будет берег наш богат
Степенными пингвинами.
И англичанин—мистер Джон
По английской традиции,
Стремясь пробраться на. . . Афон
Погибнет в. . . экспедиции!
А богачи с толпою слуг,
С бездонными карманами,
Поедут на Полярный Круг
За солнечными ваннами!..

Лето

Драма в пустыне.

На усталом двугорбом верблюде,
Грязно желтом, как выцвевший драп,
Тихо ехали грустные люди:
Неизвестный турист и араб.

И жестокое солнце сахарно
Нагревало им даже зады,
Путешествие было кошмарно:
Третий день не видали воды!

Было суше, чем в засуху даже!
Тяжело и без всяких поклаж!
Развлекали вначале миражи,
А потом надоел и мираж...

И турист себя чувствовал слабо,
Но сравнительно бодро глядел.
Что ж касается просто араба,
То араб от жары обалдел...

«Чужестранец!»—шепнул он уныло:
«Умираю!.. Я очень ослаб...

«Хоть бы солнце поменьше палило!
«Без воды я совсем не араб!..
«Как ты все переносишь без шума?
«Взор твой светел, прозрачен и чист!..»
— «Очень просто. Ведь я—из Сухума!—
«Отвечал хладнокровно турист.
«Мы привыкли!.. И, право,—забавно!
«Без воды я не вешаю нос,
«Хоть в Сухуме за воду исправно
«Я плачу в свой родной коммунхоз!..
Впрочем, нам обещают речисто,
Что из кранов польется вода *) !..»
... Но араб уж не слушал туриста,
А упал и умолк навсегда. . .

Полдень.

Жара. . . Печет. . . А небо—хмуро.
В тени прохлады не найти.
И жидкость в жилке Реомюра
Устало липнет к тридцати...

Не льется воздух на просторе,
А нудно давит, как тулуп.

*) Обещание выполнено.

Привычно камни лижет море,
Уныло теплое, как суп...
Но в суб-тропическом экстазе
Потеет каждый экскурсант
И пот густой, жирнее мази,
Под подбородком вяжет бант.
Пусть от жары везде работа
Вот-вот грозится замереть...
Ведь у него одна забота:
Как можно больше загореть!..
Его веселая фигура
Уже сверкает, словно грош. . .
Ах, жидкость в жилке Реомюра!
Скажи, когда ты упадешь?..

Отпускное.

Сверкает море, как брильянты,
И нежит слух прибоя шум.
И едут, едут экскурсанты
На отдых в солнечный Сухум:
Кто у трюма,
Кто в каюте,
Кто на баке,
Кто на юте,
Кто угрюмо,

Кто покорно,
Притулился
У уборной.

Едут...

С «Основы» на берег нестройно
Вступает целая «орда».
И, погалдевши беспокойно,
Вся разбредется, кто куда.

Коллективы,
Группы сразу,—
Без сомнения,—
На базу.
Но поищут
Одиночки
Подешевле
Номерочки.

Приехали...

А пароход стоит солидно,
Как будто сам собою горд,
Не сомневаясь, очевидно,
Что вновь придут к нему на борт:

Машинистки,
Деловоды,
Метранпажи,
Счетоводы,
Кузнецы,
Печатники,

Слесаря,
Десятники.
В отпуск...
Еще не жарко. Струйки пота
Не обливают густо нас.
И лишь кассир из Совторгфлота
Потеет, кажется, сейчас.
Хвост у кассы
Очень стойкий
Все спешат
И просят койки.
Недовольство,
Даже драмы.
Наседают
Больше дамы.
Тяжко!.. !

В лунную ночь.

По вечерам ползет луна
По небу звездному так ровно.
Конечно, ход вещей она
Не изменяет безусловно,
А так—плывет сама собой
Плывет она неторопливо,
Слегка влияя на прибой

Да на приливы и отливы.
Горит луна! Горит—и пусть!—
На все небесное пространство!
Но не она рождает грусть,
А все растущее мещанство.
Слова, что прежде жгли огнем,
Уж не зажгут нас больше снова
Возьмемте первое:—Местком, —
Обыкновеннейшее слово!..
Гори луна! Запрета нет,
С тобою звезды светлым хором.
Но проливать свой кроткий свет
Не научилась ты с разбором!
Девицы, вскинув черепа,
Ответа ждут от лунных впадин...
Доступна ты глазам клопа
И, вероятно, многих гадин. . .
А ты все светишь:—и в горах,
В лесу, на море и в долине.
В твоих купается лучах
Возможно даже Муссолини!

Из-за лесов, где скачет рысь,
Из-за домов в России, в Польше
Ты каждый вечер лезешь в высь.
О если-б ты не лезла больше!
Когда-б погас твой нудный свет
И эти бледные лучища,
Последний сдохнул бы поэт
И легче стало бы и чище...

Твой свет рождает много драм
И бьет влюбленных по коленям.
Постой!—Мы лампами «Осрам»
Тебя, паскудницу, заменим!

Осень.

Асирийские знаки.

В небесах—ярко-синяя просинь,
От жаровен с каштанами—гарь
И о том, что на улице осень—
Лишь твердит отрывной календарь.

Он всегда — образец бескорыстья
И не лжет, извиваясь дугой.
Впрочем — падают желтые листья
И уныло шуршат под ногой...

Там и сям коммунхозские урны
Приглашают к плевку иногда...
(Мы теперь ведь настолько культурны,
Что плюем большей частью туда!..)

Возле урн—приютились окурки,
И бумаг небольшой островок,
Мандаринов веселые шкурки
И большой контрабандный плевок.

А над этим—людская забота
Водрузила плакат, написав:

«Воспрещается то-то и то-то...
Коммунхоз... нарушения... штраф...»
Только кто эти мертвые буквы
Оживит хоть на полчаса в день?
В шапке цвета раздавленной клюквы
Милицейский гуляет, как тень...

Оттопырив легонько карманы
(Ибо осенью кто-ж без греха?)
Достает он оттуда каштаны—
И на землю летит шелуха...
Ах, как много растительной пищи
Нам приносит осенний сезон!

Здесь весной, разумеется, чище
И весны дожидаться—резон.
Ведь зимой все окурки, осколки
Смоет дождь, натворив еще дел.
Он для нас заменяет метелки
И, увы, санитарный отдел!
А плакат этот паки и паки
Будет грустно бесплодно стоять.
Знать на нем — ассирийские знаки,
Коль никто их не хочет понять..

Осеннее.

Когда на небе мало туч,
Так хорошо сидеть в кофейне
И наблюдать, как лунный луч
Скользит все ярче и затейней.
Печенье фирмы «Моссельпром»
Под языком так сладко тает...
А море зыбким серебром
За эвкалиптами сверкает.
И льется лунная волна
По листьям пальм и горных сосен,
Хоть тяжкой поступью слона
Сюда спешит злодейка осень...

Пока луна еще плывет,
Круглей, чем желтый мячик сыра,
Но скоро-скоро дождь пойдет
И станет холодно и сыро...

Шепнут прощальные слова
Студенты всевозможных вузов
И охнут: «дороги дрова»
Все члены наших профсоюзов...
А осень с мокнущих небес
Протянет голосом сирены:
— Алло, товарищ Абхазлес,
Зачем на топливо вздул цены?
Подорожала сажень дров,—
Но... море плещется жемчужно
И неба сводчатый покров

Пока твердит, что дров не нужно.
Тепло... Не думает никто
Взглянуть поглубже за прилавки,
Найти осеннее пальто
В просторах еркоопской лавки...
Сверкает море, как янтарь
И в небесах меж тучек—просинь..
Уж не заврался ль календарь,
Что наступает скоро осень?
Не будет осени—и стоп.
Сдержавши шар земной на месте,
Ее отменит Еркооп,
Как говорят, с зимою вместе...

Во все сезоны.

Протекционное.

Зине скучно. Службу надо.
На работе веселей.
В отношении оклада
Все же сорок пять рублей,
Что—союз, когда по дружбе
Вам устроят дело вмиг!
Верно: Зиночка—на службе
Через головы других.
Так добилась Зина цели,
Поступила в магазин...

Ох, у нас на самом деле
Непомерно много Зин!
Без различий строгих пола
На пространстве всей земли
Эти дети произвола
Ждут метелки РКИ!
А пока без бирж и секций,
Без союза там и тут
Скромно цветики протекций,
Словно лилии, цветут.

На окраине Сухума.

Как основа—пузатится бочка.
В ней то, в сущности, весь интерес.
Парусины два грязных кусочка
Образуют над нею навес.
Грязный жбан, два немытых стакана
Довершают «комфорт и уют»...
И, однако, внутри балагана
Днем и ночью без просыпа пьют.
Льются песни, ругня, прибаутки,
Льется в глотки вино, как ручей
И «творят» по ночам проститутки
Пациентов для местных врачей. . .
Эх! поблизости сей «панорамы»
Страшно днем иногда проходить...

Хорошо-б эти грязные ямы
Поскорей и навеки закрыть.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. В сухумском кафе . . . . . 3-4 стр.
2 На бульваре . . . . . 4-5 „
3 Точный вес . . . . . 6-7 „
4. Предвесеннее . . . . . 7-8 „
5. Циклонное . . . . . 8-9 „
6. Драма в пустыне . . . . . 10 11 „
7. Полдень . . . . . 11-12 „
8 Отпускное . . . . . 12-14 „
9. В лунную ночь . . . . . 14-16 „
10. Ассирийские знаки . . . . . 17-18 „
11. Осеннее . . . . . 19-20 „
12. Протекционное . . . . . — 22 „
13. На окраине Сухума . . . . . — 23 „

Цена 25 к.

Шерстя 5
Кашемир